

Вторник, 26 апреля

С тех пор как Рагнхильд Пеккари решила умереть, жить ей стало намного легче.

У нее был план. Часа два пути на лыжах, если выдержит ночной наст. По прибытии на место, где над рекой каждый год образуется что-то вроде припорошенного снегом ледяного мостика, Рагнхильд разведет огонь и выпьет последнюю чашку кофе. Растопит снег и выльет воду в рюкзак, чтобы он стал тяжелым и в нем не осталось места для воздуха, оттолкнется и на лыжах выкатит на лед, который проломится, если все получится, как она задумала. Иначе придется оттолкнуться еще раз.

Все должно пройти быстро. Ни единого шанса изменить что-либо с рюкзаком на спине и лыжами на ногах. А потом все наконец закончится.

* * *

Рагнхильд хорошо подготовилась к встрече со смертью и действительно встретила ее именно в тот день — правда, не совсем так, как рассчитывала.

Так или иначе, ей заметно полегчало, как только решение было принято. Душа Рагнхильд распрямилась, словно березки в лесу. Тяжелый снег склонил к земле их серые ветви, выгнув арочными дугами. А теперь они расправились и из серых стали фиолетовыми — цвет искупления.

Рагнхильд вышла на пенсию в прошлом году в июне. Главврач произнес речь по этому случаю, но, как видно, плохо подготовился. Перепутал даже год начала работы

Рагнхильд в клинике, что можно было просто уточнить. Тот еще проныра. Из тех, кого смущало, что Рагнхильд уж очень задержалась на своем месте. Элизабет — его правая рука — презентовала Рагнхильд открывашку в виде серебристого дельфина.

Элизабет больше двадцати лет на административной должности и плохо представляет себе, чем занимаются они, простые сестры. Поэтому вечно осложняет им жизнь неудобными графиками и лишней работой. И, конечно, всегда выступает на стороне руководства.

В довершении всего — этот дельфин. Рагнхильд выдавила из себя «спасибо», после чего страшно захотелось вымыть руки с мылом.

Во время прощального банкета ее чудом на стошнило на стол с дешевыми бумажными салфетками и покупным тортом. Врачи приходили и уходили. Рагнхильд обменялась взглядами с несколькими медсестрами. Странно все-таки, что коллеги, которых труднее всего поднять со стула, когда пациенту плохо, в мгновение ока слетаются на сладкое.

Кто-то из реанимации спросил: «Что празднуем?» — с набитым ртом. Вечеринка завершилась ритуальными объятиями. Рагнхильд постояла перед шкафчиком, который считала своим почти тридцать лет. Заперла его в последний раз и вышла из больницы с чувством нереальности происходящего и дурацким дельфином в сумке.

В остальном было лето как лето — что-то вроде затянувшегося отпуска. Осенью Рагнхильд решила разнообразить досуг и записалась на курсы вязания, вместе с некоторыми другими бывшими коллегами на пенсии. Не забывала и о спорте, регулярно посещала тренажерный зал и гуляла в лесу. Ну и читала, конечно, — в среднем по книге в день.

Зима миновала почти наполовину. Рагнхильд знала, что в клинике не хватает рук, но ей никто не звонил. Элизабет не желала ее возвращения. Рождество Рагнхильд отмечала

одна — странное чувство. До того она всегда предпочитала работать по большим праздникам.

А в начале марта, когда возвращалась из магазина с полными сумками, вдруг вспомнила детство. Тогда Рагнхильд было не больше шести лет, и она пошла на реку с дядей, братом отца. Дядя выпилил во льду прорубь и теперь хотел опустить в нее лодочный мотор. Там же тетя полоскала простыни, но иногда прорубь использовали, чтобы избавиться от ненужного хлама.

В те времена не считалось зазорным выносить на лед вышедшие из употребления холодильники и прочую рухлядь. Все это опускалось на дно по мере того, как лед таял. На этот же раз была готовая прорубь, в которую было достаточно просто все побросать, пока она не смерзлась.

Рагнхильд стояла у самого края. Дядя даже не предостерег ее, чтобы держалась подальше. На ее глазах тяжелый мотор плюхнулся в воду, а потом медленно, словно зависая, стал погружаться, пока не коснулся дна с приглушенным стуком.

Рагнхильд до сих пор помнила это чувство, когда пытаешься заглянуть в глубину. Головокружение от близости смерти и медленный, гипнотический танец мотора в пронизанной солнечными лучами воде. Как будто Рагнхильд затягивало следом и она медленно кружила по нисходящей спирали. А потом со дна поднялось облако ила.

Рагнхильд вспомнила это, возвращаясь из магазина с недельным запасом продуктов, когда вдруг поняла, что ее мотор уже на дне. Девять месяцев миновало со дня выхода на пенсию, когда она сказала себе: «Ну всё, хватит». И это принесло невероятное облегчение. Рагнхильд решила пережить эту зиму, а потом еще «сезон вздохов» — ту пору, когда снег еще лежит толстым одеялом, но уже не держит человеческий вес и то и дело схлопывается с похожим на вздох звуком.

В марте и апреле ходила на лыжах в лес. Каждый день — мела ли метель или светило солнце, не имело никакого значения. В солнечные дни разводила огонь, садилась на

подстилку из кожи, снятой с оленьего черепа, и пила кофе с бутербродами. Книг она больше не читала.

Заглядывая внутрь себя, удивлялась царившему там спокойствию. Тому, как сила принятого однажды решения раз и навсегда погасила ноющую душевную боль.

В конце апреля приступила к уборке дома. Все надлежало оставить в порядке, но не идеальном и окончательном. Порядок не должен свидетельствовать о самоубийстве. Все что угодно, только не вздохи соседей, сочувственно качающих головами, — «боже, как же все-таки она была одинока...»

Все должно выглядеть как несчастный случай. В холодильнике останутся свежие продукты. Рагнхильд отнесла в химчистку зимнюю куртку. Кто сдает вещи в чистку, когда собирается покончить с собой? Розовую квитанцию положила на видное место, рядом с кофейником.

За окном таяли сосульки на желобе, с каждым днем становилась все оживленнее монотонная капель. Снег падал с крыши и таял даже вдали от асфальтированных дорог, которые давно лежали сухими. Дни летели, отделяясь один от другого лишь несколькими часами сумерек. Но ночной наст все еще держал человеческий вес, что было главным условием.

Во время уборки она задумалась, как поступить с фотографиями дочери. Их нельзя было оставлять на прежнем месте, между страницами любимых романов Рагнхильд в книжном шкафу. Слишком велик риск, что рано или поздно книги окажутся в «Кюпане»¹, по пять крон за штуку. И когда снимки Паулы выпадут из них, это может дать повод нежелательным пересудам: «Зачем она хранила фотографии дочери в книгах? Странная все-таки была женщина...» Ее станут жалеть — вот уж спасибо... Но что делать? Вложить фотографии в рамки и выставить на столе? Сжечь?

Рагнхильд пролистала стопку. Вот здесь Пауле два года, улыбка и мороженое по всему лицу, на голове корона — ма-

---

¹ «Кюпан» — магазин Красного Креста в Швеции, где продают вещи, бывшие в употреблении.

ленькая принцесса. А здесь Пауле уже пять, и она отправляется в свой первый поход. Они шли к озеру Тролльшён, было тепло, и склоны гор пестрели цветами. На Пауле — ничего, кроме трусов и панамки. Когда девочка уставала, Рагнхильд сажала ее себе на плечи.

«Я была крепкой, как горная березка, — подумала она. — Рюкзак за плечами, ребенок на плечах, дорога в гору — и хоть бы что».

Рагнхильд выбрала пляжную фотографию, где Паула обнимает бабушку. И школьные снимки, такие обычные, где та на тоскливо-голубоватом фоне — не улыбалась даже, а только растягивала рот, с затаившимся в глубине глаз страхом.

Она осторожно, легко дыша, перелистывала снимки. Оставалась спокойной, но чувствовала в душе опасного зверя, готового пробудиться. Зверь материнства — вот кого следовало остерегаться! — в любой момент мог выползти из норы, с выпученными глазами и вздыбившейся на затылке шерстью. Ослепленный обидой и злобой, он желал одного — прояснить ситуацию. Попросить прощения, указать на сообщников, объясниться — в общем, позвонить.

В конце концов фотографии Паулы легли в ящик письменного стола.

Окна давно пора мыть, но здесь особый случай. Рагнхильд требовалось навести порядок только в личных вещах. Не говоря о том, что идеальная чистота в доме выставила бы ее жертвой. В общем, окна лучше оставить как есть.

В последний день она сделала все как решила. Вечером собрала рюкзак с тяжелыми вещами, которые со стороны выглядели бы как самая естественная поклажа. Старая зимняя палатка, бутылка вина, спальный мешок, пуховик, оленья шкура, туристическая горелка «Трангия».

Последний раз полила цветы — они уж точно ни в чем не виноваты.

Достала с полки Библию.

— Если тебе есть что мне сказать, то сейчас самое время, — обратилась Рагнхильд к Господу.

Открыла наугад. Попала на страницу в Книге Судей, где женщина по имени Иаиль убивает военачальника Сисару. Когда тот спал, Иаиль пробралась к нему с молотком и колом от шатра и забила кол ему в висок, буквально пригвоздив к земле.

— Смешной ты все-таки, — строго заметила Рагнхильд Господу. — Как склочный старичок на скамейке. Ничего толком сделать не можешь, зато на все имеешь собственное мнение.

С этими словами она захлопнула бесполезную книгу.

Около часа ночи, когда загрохотало на шахтах и по всему дому словно пробежала дрожь, Рагнхильд прилегла на кровать вздремнуть.

В половине третьего она в последний раз заперла дверь своей квартиры. Ничего особенного не почувствовала. Мысленно произнесла обычную фразу — «ничего не горит, ничего не течет» — и повернула ключ в замке.

Лыжи и поклажу отнесла в машину. Настоящее полуночное солнце¹ взойдет недели через три, но уже теперь Кируна дремала, погруженная в мягкий свет. Было тихо, кроме звуков с шахты, более отчетливых ночью, когда их не заглушает дневное уличное движение. Скрип вагонетки, доверху груженной рудой, лязг тормозов, монотонный гул шахтных вентиляторов. «Под этим городом мина замедленного действия, — подумала Рагнхильд. — Пройдет не так много времени, прежде чем он провалится в преисподнюю».

Никто не видел, как она выезжала из Кируны. Город выглядел заброшенным, обезлюдевшим, как будто жителей уже эвакуировали. Вскоре Рагнхильд вырулила на трассу E10. Думала о том, сколько пройдет времени, прежде чем они вызовут слесаря и войдут в ее квартиру. У нее больше не осталось коллег, которые могли бы обеспокоиться ее отсутствием, но были еженедельные занятия — тренажерный зал, йога, курсы вязания. Недели через две кто-нибудь должен ее хватиться.

---

¹ Полуночное солнце — полярный день.

Она повернула на восток, в сторону Виттанги. Дорога шла вдоль реки ее детства, Турнеэльвен. Рагнхильд думала о предстоящем ледоходе, распускающихся почках, птичьем щебете и полудночном солнце, но без тоски или желания пережить все это еще раз.

Она так и не включила радио и не встретила ни одной машины, кроме нескольких грузовиков с шахты. Высохший асфальт лежал в трещинах и выбоинах после зимних морозов.

* * *

Рагнхильд Пеккари припарковалась у старого карьера. Взяла лыжи под мышку и пошла вдоль дороги, высматривая, где можно было бы перебраться через покрытый ледяной коркой вал. Не хватало только сломать руку или ногу.

Выбрав подходящее место, где насыпь была ниже и не такая бугристая, Рагнхильд вышла в лес. Оглянувшись, но машина и дорога были скрыты от глаз снежным валом и перестали существовать.

Бьюрки уже проснулись. В этом году их как никогда много, поэтому щебет стоит как в тропиках. И это только усиливает чувство, которое возникает у Рагнхильд каждый раз, когда она вступает под своды леса, — как будто переходишь из одного мира в другой.

И еще, она всегда ощущала лес как мать. Или женское божество, что-то вроде саамской Маттаракки, которая всегда рада видеть Рагнхильд. С детства убежала с неприятливого школьного двора в избушку Матери. И только там, за закрытой дверью, чувствовал себя в полной безопасности.

Теперь есть только она — и лес. Стволы сосен отсвечивают медью. Старые высокие ели в серых нижних юбках. Цвет неба меняется от розового до голубого, с бледным утренним солнцем на юго-востоке и полной белой луной на северо-западе. Они светят друг против друга, сплетая лучи наподобие саамской оловянной проволоки.

Рагнхильд становится на лыжи и, легко отталкиваясь палками, скользит по ночному насту. Он твердый и блестящий, и требуется немалая сноровка, чтобы удержаться на ногах, когда лыжи разъезжаются в разные стороны.

Под деревьями, куда падает с веток подтаявший снег, корка особенно твердая и похожа на толстое кусковое стекло. Если бы утром припекло как следует, наст мог бы не выдержать, что усложнило бы Рагнхильд задачу. Но он достаточно прочный и гладкий. Лыжи почти не оставляют следов. Рагнхильд слышит воронов. Издалека их карканье легко принять за собачий лай. Но вскоре из-за деревьев появляется пара черных разведчиков. Птицы кружат над головой Рагнхильд, перекликаются.

* * *

Ощущение времени исчезло, поэтому было удивительно вдруг услышать звук падающей воды. Неужели она на месте? Рагнхильд посмотрела на часы.

Половина шестого. Рагнхильд только что миновала заросли ив, на которых уже набухли мохнатые почки. Теперь она идет вниз по течению, к выбранному месту. Он все еще здесь — красивый мост из снега и льда над порогами.

Но сначала кофе.

На небольшом возвышении, метрах в двадцати от реки, — красивая карликовая сосна, коренастая и узловатая. Вокруг ствола достаточно оттаявшей земли, чтобы Рагнхильд было где сесть и развести огонь.

Она собирает сухостой — ровно столько, чтобы хватило на небольшой костерок: серые еловые веточки, кору, бородачатый лишайник и можжевельник. Потом делает в насте дыру и наполняет снегом кофейник. Подойти к реке не решается — берега слишком обледенели. Свалиться в воду раньше времени — последнее, что ей нужно.

Недостаток логики в собственных рассуждениях заставляет Рагнхильд улыбнуться и покачать головой. Что ж, пусть все пройдет так, как она задумала. Рагнхильд под-

жигает сухостой при помощи зажигалки. Она умеет развести огонь где угодно и при любой погоде, не доставая без необходимости спички, и всегда гордилась этим. Странно только, что в последние минуты жизни мысль задерживается на таких мелочах.

В тот момент, когда кофе закипает, звонит ее телефон. И Рагнхильд умудряется не только не свалиться в сугроб от неожиданности, но и снять кофе с огня, одновременно выживая мобильник из внутреннего кармана.

Времени шесть часов и три минуты, и звонят со стационарного телефона. Кто теперь ими пользуется? И номер начинается с 0981, а это, помимо прочего, код поселка, в котором прошло ее детство. Рагнхильд недоверчиво смотрит на дисплей. Давно ей не звонили оттуда. Но сигналы идут и идут, и в конце концов она решается ответить.

В трубке слышится мужской голос, и, похоже, молодой.

— Рагнхильд Пеккари? — спрашивает он. — Ну если это действительно вы... боюсь, у меня плохие новости.

Мужчина представляется владельцем магазина в Юносуандо.

— Речь пойдет о вашем брате Хенри Пеккари, — говорит он. — Вот уже три недели, как он не появляется в нашем магазине.

Рагнхильд понимает, что должна как-то отреагировать, но мысли цепляются друг за друга и спотыкаются, как накачанный диазепамом пациент. В результате с губ не срывается ни слова, между тем как владелец магазина продолжает:

— Собственно, совсем не обязательно что-то случилось. Просто Хенри появлялся у нас каждый четверг, если в выходные накануне мы получали товар из «Сюстембулагета»¹... Эй, вы еще здесь? — окликает он ее по-фински.

— Да-да, я слушаю, — выдавливая из себя Рагнхильд.

— Ну, в общем, все это показалось мне подозрительным. То есть и раньше, конечно, бывало, что Хенри к нам не

---

¹ Сеть алкогольных супермаркетов в Швеции.

приходил. К примеру, когда лед становился ненадежным. Тогда он неделями мог отсиживаться на своем острове, но непременно предупреждал об этом по телефону. Он ведь живет там один, и поэтому, когда не может до нас добраться, звонит. Мы в магазине, наверное, единственные, с кем он видится и разговаривает. Я пробовал до него дозвониться — и вчера, и сегодня утром. Но никто не отвечает. И вот я подумал...

— Вот, значит, как... — произносит наконец Рагнхильд Пеккари. Тем тоном, который заставляет собеседника почувствовать себя свидетелем Иеговы, возвещающим о наступлении Царства Божия с лестничной площадки с красочным буклетом в руке. Этот тон Рагнхильд использовала не только против скандальных родственников пациентов, но и — гораздо чаще — против главврача и его подпевал.

Она смотрит на кофейник. Кофе, конечно, остыл. Можно подогреть, но тогда это точно будет кошачья моча.

«Вот так со мной всегда, — думает Рагнхильд. — Последняя в жизни чашка — и это будет что-то вроде кофе глясе».

— В общем, я подумал, — продолжает владелец магазина, — что вы могли что-нибудь о нем слышать.

— Вот уже тридцать один год, как я не общаюсь с Хенри, — обрывает его Рагнхильд Пеккари, — и вы не можете этого не знать, как и другие в Юнисе.

— И все-таки вы брат и сестра, — возражает мужчина, теперь уже виновато. — Вот я и подумал, что связаться с вами будет нелишне.

Рагнхильд уже заметила, как часто он повторяет «я подумал», хотя вряд ли способен думать о вещах дальше собственного носа.

— Извините, что побеспокоил, — продолжает голос в трубке. — Первым делом я, конечно, позвонил в полицию в Кируне. Но они сказали, что прислать на остров вертолет нет никакой возможности, пока снег как картофельное пюре.

Ну всё, теперь точно пора заканчивать. Она представляет себе, как владелец магазина поворачивается к кол-

легам и говорит, что у этой Пеккари, как видно, не всё в порядке с головой, если ее совсем не заботит происходящее вокруг.

И в этот момент Рагнхильд слышит собственный голос.

— Еще один вопрос, — говорит она. — Скажите, а Хенри не покупал у вас собачий корм?

— Не имею ни малейшего понятия, — отвечает владелец магазина. — Я редко сижу на кассе. Сейчас спрошу у жены, одну минуту...

Теперь его голос звучит оживленнее. Мужчина воспрянул духом, как только почувствовал в ней заинтересованного собеседника.

Рагнхильд тут же жалеет о своей несдержанности. Хотя ничего не потеряно. Просто отключить мобильник, сделать вид, что связь прервалась. Но тут голос владельца магазина возвращается в трубку. Да, подтверждает он, Хенри регулярно покупал собачий корм.

Она поднимает глаза к голубому небу, словно ища защиты. От памяти. И от собаки Виллы, чье имя означало «мех» на языке детства Рагнхильд.

У нее были добрые маленькие глазки и белая звезда на груди. Она осталась на острове, с Хенри. И было это — боже мой, Рагнхильд пришлось подсчитать — пятьдесят четыре года тому назад.

Тогда Хенри исполнилось восемнадцать, и он унаследовал дом на острове. А двенадцатилетняя Рагнхильд переехала в город с мамой, папой и сводной сестрой Вирпи. Как она ни плакала, как ни умоляла отдать ей Виллу, слезы ее ничего не значили. «Вилла не сможет жить в городской квартире», — сказал отец. Тогда он не понимал, что это относится не только к Вилле. Никто из них не был создан для города, как показало время.

...Она не успела защититься. К горлу комком подступили слезы — по собаке, которая давно мертва. А мужчина все говорил и говорил. Рагнхильд прохрипела «спасибо» — редкое слово в ее устах. И завершила разговор.